

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ У СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ (на материале русского и армянского языков)

В.В. МАДОЯН

Национальный университет архитектуры и строительства

В статье рассматривается развитие семантики существительного в русском и армянском языках путем внутреннего и внешнего преобразования значений, которые направлены на усиление выразительности речи, что сопровождается размытием границ литературной нормы, активным внедрением в живую речь просторечной лексики и словообразовательных средств, общим снижением стилистического уровня разговорного и литературного языка.

Ключевые слова: *литературный язык, стили речи, семантические преобразования, стилистические эффекты*

В период строгого следования установленным нормам принято было считать, что язык средств массовой информации – нейтральный стиль литературного языка и он служит основанием для определения литературности/нелитературности той или иной лексической единицы. С этой точки зрения происходящее сегодня в русском и армянском, это процессы, характеризующие живую речь, которые так или иначе влияют на литературное словоупотребление, что, естественно, должно отразиться и на литературной норме.

Во времена коренной ломки социальных и духовных устоев такие преобразования активнее входят в язык средств массовой информации, а в условиях отсутствия языковой цензуры они, будучи стилистически маркированными, зачастую заменяют нормативные лексические единицы. Если сравнить язык российских официальных изданий (“Российские ведомости”, “Известия” и др.), с одной стороны, и бульварной прессы (“Комсомольская правда” (КП), “СПИД”, “Аргументы и факты” (АиФ) и др.) – с другой, в последних частотность употребления новообразований, функционирования литературных слов в новых значениях и т.д. значительно выше. Теле- и радиопередачи, как и официальные издания, используют новые слова и слова в новых значениях гораздо реже, не говоря уже о том, что образования низкого стиля, употребляемые в ругани, в языке этих СМИ отсутствуют вообще.

В связи с исследованием семантических преобразований в современном языке особый интерес вызывают тенденции в живой речи. И суть дела не в том, что большинство рассматриваемых образований носит временный ха-

раakter и вряд ли закрепится в языке: все они отражают собственно национальное языковое мышление.

Поскольку нас интересуют не новообразования и не сленговая лексика как таковая, а только процессы в развитии семантики, ниже рассматриваются два типа лексических единиц: слова, развившие новые значения, и новые слова, развившие свои значения через словообразование. Первые больше соотносятся с нашими задачами, их число значительно больше, чем число вторых. По той же причине заимствования не рассматриваем вообще, как и используемые в языке СМИ уже давно существующие разговорные варианты. Ср.: *чувак* (=“молодой человек, парень”, *травка* (= “одурманивающее курево”), *резинка* (“презерватив”), *тряпки* (= одежда), *блин* (=черт побери!), *чинуша* (= “лицо на высокой должности”) и др. Вне данного исследования и лексические единицы, которые приобрели новые значения по внешней семантизации: *тарелка* (телевизионная), *шестерка* (=лакей), *жбан* (=голова) и др. Конечно, в связи с активизацией проникновения разговорных словечек в язык прессы, некоторые подобные образования, может быть, и окажутся в стилистически маркированном фонде русской литературной лексики, однако они могли бы быть рассмотрены в данной работе, если бы при этом происходило развитие семантики (изменение или появление новых значений). Как уже замечено в лингвистике, “для создания специальных эмоционально-оценочных эффектов, которые требуются в определенной ситуации, в определенном контексте, привлекаются... сниженные слои лексики, чем и достигается требуемый эффект: осуждение, неодобрение, ирония, презрение и т.п.” [5, с.113]. Следует добавить, что неологизмы и новые значения употребляются не только для создания стилистических эффектов. Они являются прямым следствием размывания границ литературного языка. К числу лексики, развившей новые значения, относятся, например, *авторитет*, *бригадир*, *варежка*, *жратва*, *кормушка*, *корыто*, *кошелек*, *крутой*, *крыша*, *наезд*, *перо*, *предок*, *прокол*, *тачка*, *телка*, *точка*, *ракушка*, *ручник* (1.ручной тормоз 2.автомашина с ручным управлением) и др. Вот примеры в нашем материале, в которых они употреблены в новом значении:

Я представитель криминала. *Авторитет* (АиФ 37(986), сентябрь 1999); Убитый оказался *бригадиром* местной криминальной шайки (КП 143 (23780), 27 сентября 2006); Но, как только они дорываются “до кормила”, сразу начинают относиться к народу как к *быдлу* (АиФ 10(1221), февраль 2005); Клиент раскрыл *варежку*, пользуйтесь этим, главное - продать машину! (КП 71(24098), 16 мая 2008); Мы живем в эпоху большой *жратвы* (АиФ 45(1462), ноябрь 2008); Перед ним сидит его старуха, до ушей разинуто *корыто* (КП 134 (23771), 12 сентября 2006); Чтобы встретить своего *кошелька*, мне приш-

лось пропустить через себя сотни три похотливых козлов (КП 71(24098); сентябрь 2008); Реклама поделила нас на *крутых* и лохов (КП 115(23948), 10 августа 2007); Вирус “озвездения”. Почему у поп-артистов едет *крыша*? (АиФ 41(1250), октябрь 2004); Такой пощечины народ долго не простит государству. Это под его *крышей* развернулось столь грандиозное “кидалово” (АиФ 45(1254), ноябрь 2004); Мы не могли позволить *наезд* на человека, который приносил нам такие барыши (АиФ 20(1021) май 2000); Все боятся. Страшно получить *перо* в бок (КП 97 (23930), 7 июля 2007); Даша, конечно, ходила куда хотела, но всякий раз по возвращении домой объяснялась с *предками* (КП 14(23847), 31 января 2007); Слышь, Серега, я вчера заехал в автосервис, поставил себе на “мерина” все *примочки*, какие там только были, 30 штук баксов оставил (КП 131(23768), 6 сентября 2006); Пока был на работе, *ракушку* снесли! (КП 22 (24049), 15 февраля 2008); Раньше они мерились бонусами, зарплатами, *тачками* (КП 160(24187), 25 октября 2008); И вроде бы все будет хорошо: друзьям по аське отправит скабрезные подробности о *телочках* из “Рая”... (КП 98 (24321), 4 июля 2009); В этих трех *точках* Роналдинью оставил 160 тысяч евро (КП 105-д(23742-д), 20 июля 2006).

Слово *авторитет* в литературном языке имеет следующие значения: 1.Общепризнанное значение, влияние, общее уважение. *А. ученого*... 2.Лицо, пользующееся влиянием, признанием [4]. Первое значение является основным (исходным). В нашей интерпретации оно выглядит так: “отвлеченное понятие, называющее признание, уважение к кому-чему-н. в определенной среде ввиду его явных заслуг”, о чем свидетельствует и второе значение, имеющее гиперонимом “лицо”. Развитие нового значения обусловлено прибавлением ко второму значению семы “воровской”: лицо, пользующееся признанием в воровской среде за определенные заслуги”. Такое *развитие* семантики мы называем *внутренним* [3, с.40-57].

Бригадир – руководитель бригады - группы людей, занятых аналогичным трудом в рамках артели, цеха, колхоза и т.д. Развитие нового значения произошло не с помощью прибавления или утраты сем, а через конкретизацию одной из них: новый *бригадир* - руководитель группы людей, занятых воровством и разбоем.

Быдло – “(прост., презр.). О людях, которые бессловесно выполняют для кого-л. тяжелую работу”[4]. Это – литературная интерпретация. В сленге *быдло* скорее связано с исконным значением этого польского слова: “скот”, “скотина”, однако, если в польском – это прямое значение, в русском сленге – переносное, т.е. *быдло* – “человек (люди) скотского поведения”, откуда еще одно значение путем вариации сем - “человек (люди) скотского состояния”, что и отражено в приведенном примере.

Варежка – вязаная из шерсти перчатка, надеваемая на руку для предохранения ее от замерзания. В сельских местностях деньги держат в руке, в холодное время – такую руку прячут в варежку. Собственно говоря, так носить деньги считается надежнее. В русском сленге *варежка* – “кошелек с деньгами”. Такое развитие обусловлено как внешней, так и внутренней семантизацией. В частности, насчет последнего можно сказать, что произошла смена компонентов: вместо “для предохранения ее от замерзания” появилось “для хранения денег в сжатой ладони”.

“Мы живем в эпоху большой *жратвы*”, - фиксируют АиФ. *Жратва* – пища, еда, обычно - низкого качества, предназначенная для утоления голода и поэтому поедаемая с жадностью. Последняя сема явно проявляется у производящего глагола *жрать* - “жадно поглощать пищу”. В приведенном примере, как явствует из текста статьи, *жратва* - жадное (алчное) присвоение (“поглощение”) общественного имущества. Новое значение развилось благодаря побочному компоненту “поедаемая с жадностью”.

Корыто – “большой продолговатый сосуд для стирки и для других домашних надобностей. Деревянное, оцинкованное к.”[4]. В приведенном выше примере *корыто* – “большой, ненасытный рот”. Такое значение, конечно, больше обусловлено внешней семантизацией: литературной метафорой и метонимией (восходящей к “Сказке о золотой рыбке” А.С.Пушкина), но она возможна потому, что новое и старое значения имеют общую сему *большой*.

Современные нравы позволяют пропагандировать или не стесняться признаваться в не совсем приличных поступках, если они связаны с приобретением денег. В мире капитала все прощительно, если за всем стоят деньги. Замужество с богатым мужчиной (= у которого есть деньги) сегодня считается ловкостью рук. *Кошелек* - вместилище (из ткани, кожи и т.п.), в котором при себе носят деньги. Человек назван *кошельком* больше по метафорическому переносу, однако он возможен ввиду наличия общего компонента “деньги”. Кстати, в этом примере – по признаку отсутствия денег – антонимом *кошелька* назван *козел*.

Katu по-армянски означает “кот” (из того же индоевропейского (латинского) корня, откуда русск. *кот*, немецк. *Katze*, англ. *cat* и др.). Это – “млекопитающее домашнее животное сем. кошачьих, которое содержится для ловли домашних мышей”. В армянском сленге – это “1) человек, который занимается выполнением всех мелких поручений в семье (“ловит мышей”), 2) человек, отстраненный от серьезных дел в семье или по месту работы, не играющий в среде большой роли”.

Muk – по-армянски “мышь”. Это слово также восходит к праиндоевропейскому корню: *мышь* (русск.), *Maus* (немецк.), *mouse* (англ.). Мышь – ма-

ленькое животное отряда грызунов, которое питается зернами злаковых. В армянском сленге это человек маленького роста, но способный на активные действия, т.е. актуализированы побочные семы “маленький” и “юркий”, а исходный гипероним заменен другим.

Аналогичное семантическое развитие характеризует армянское слово *thujn* (“яд”), которое в сленге развило значение “высшего качества”, “исключительно хороший”. Ср. *thujn mekhena* “исключительно хорошая машина”. Семантика слово “яд” включает следующие семы: “средство”, “исключительно сильный”, “умерщвление”. Определяющим здесь оказалось “исключительно сильный”. Видимо, способствовало этому и созвучие со словом *thund* (“1.густой. 2.ярко выраженный”).

К числу русской лексики, развившей новые значения с помощью словообразования, относятся: *бабло*, *быдлан*, *висяк*, *договорняк*, *друган*, *дружбан*, *дуриловка*, *калаш*, *кидалово*, *крупняк*, *наворот*, *отмачка*, *пофигист*, *расслабуха*, *раскрутка*, *совок*, *сходняк*, *улёт*, *чуркистан* и др.

Развитие семантики некоторых из этих слов связано скорее со стилистикой: *бабло* – “крупные финансы”, *совок* – “человек из бывшего СССР”.

Быдлан, по идее, должен вобрать в себя два значения: “быдло (скот, скотина)” в прямом и указанном выше значениях и “человек, животное большого телосложения”, т.е. это – “человек крупного сложения скотского поведения или в скотском состоянии”, что отражает традиционный способ словообразования.

Стилистическая маркированность осложнена семантически, что позволяет в подобных случаях предположить *взаимодействие стилистики и семантики*.

Образование новых слов связано с распространением традиционных словообразовательных моделей на мотивирующие основы, которые по этим моделям продуктивности не проявляют. Ср.: *Полный улет* на рынке авиаперевозок [АиФ, 41 (1354), 10,2006], *полный улет* [КП, 52 (23885), 11 апреля 2007].

Рассматриваемое слово образовано от *улететь*, основными значениями которого являются “1.Летя, удалиться, направиться куда-н. 2. (1 и 2 л. не употр.) Исчезнуть, миновать. *Надежда улетела*”. ”[4]. Новое образование фиксирует действие как предмет (результат действия), что полностью вписывается в каноны русского словообразования (ср.: *вылететь* – *вылет*, *уйти* – *уход*). Рассматриваемая лексическая единица в первом примере имеет значение “отсутствие (исчезновение) перевозок”, а во втором - “отсутствие (исчезновение) чего-л.”. Развитие семантики обусловлено внутренней мотиваций: *удалиться* = *уйти* откуда-то, *улететь* = *удалиться*, *летя* = “удалиться откуда-то стремительно”, которое при прибавлении одной семы дает *исчезнуть* = “незаметно, стремительно уйти откуда-то”. В итоге ожидается: *улет* – “незаметное, стремительное исчезновение”. Такое семантическое раз-

вите вполне закономерно, однако здесь мы имеем включение в семантику слова значения объекта: *улет* = “незаметное, стремительное исчезновение авиaperевозок”, которое затем возвращается к обычной модели без значения объекта. Слово имеет дополнительный иронический оттенок.

В примере: “Бедные стали более циничными и недоверчивыми, а богатые – более жадными и алчными... В России новая беда. Новое *жлобство* (= “жадность, алчность”) захлестывает все более широкие слои предпринимателей” [АиФ, 29.07.2007], - слово *жлобство* образовано от существительного *жлоб*, которое означает “скряга, скупец”. В русском языке обычны такие образования от глаголов, как *пьянствовать* – *пьянство*, *разгильдяйничать* – *разгильдяйство* и др.. В грамматиках русского языка словообразовательные модели, по которым существительные со значением черты характера образуются от существительных, не активны (ср. *свинья* – *свинство*, *осел* – *ослинность*, *конь* – *конность* и др.). Ср. отсутствие *жмотство* при наличии *жмот*. Вероятнее всего, здесь два перехода: *жлоб* – *жлобничать* – *жлобство*: исполнитель действия – действие – результат действия. Средний член цепочки опущен.

Лексема *хохмодрама* (“комедийная драма”) образована от противопоставленных по семантике слов: *хохма* и *драма*. Ср.: *Ну а жанр спектакля, обозначенный как хохмодрама, обещает добрую порцию смеха* [КП, 07.11.07.]. Как известно, драма может быть трагической, а комедийный спектакль – веселым, “хохмовым”. В русском языке известны образованные аналогичным способом словосочетания, как правило, в художественной речи, некоторые из которых затем вошли в литературный язык в качестве названий необычных явлений: *белая ночь*, *прекрасная смерть*, *богатый слуга*, *жестокая любовь* и др.. Данный семантический прием в словообразовании применен также для особой маркированности, как это делали имажинисты и Саша Черный в начале ушедшего столетия: для привлечения зрителей к современному художественному театру необходимо совмещение несовместимого. Модель же словообразования – самая традиционная. Ср.: *мелодрама*, *трагикомедия* и т.д..

Не традиционен способ образования слова *литОтстой*. *Отстой* в литературном языке означает “отстоявшийся осадок, а также жидкость, выделившаяся из какого-л. продукта и опустившаяся на дно сосуда” [4]. Однако это слово не имеет с *литературным отстоем* ничего общего. Ср.: На фоне творчества В.Сорокина – это полный *отстой* [КП, 10.01.06]. *ЛитОтстой* (заголовок) [АиФ 03.07.2007]. Такой *отстой* скорее образован от глагола *отстояться*: “2.перен. О взглядах, мнениях: принять окончательный устойчивый вид. *Отстоявшаяся точка зрения*” [4] - с заменой семы “устойчивый” на сему “консервативный”, “закостенелый”, почему и *литОтстой* - “застой (в творчестве), который привел к катастрофическому отставанию”.

Такой способ образования значения, до сих пор не известный литературному русскому, можно назвать *смежеванием*. Он продолжает развитие семантики в нетрадиционном русле. Это не метафоризация и не метонимия, однако, как и последние, сопровождается стилистической маркированностью. Как уже замечено в лингвистике, “синхронное описание стилистического узуса современного языка показывает, что общеупотребительными стилистическими средствами могут “работать” любые элементы системы языка (звуковой комплекс, слово, словоформа, синтаксическая структура и пр.), в которых потенциально заложены экспрессивные ресурсы, актуализируемые стилистическим приемом” [1, с.235]. В наших примерах инструментами семантико-стилистического развития являются не только указанные факторы, но и графическое изображение, нарушающее существующие литературные нормы правописания.

В связи с этим хочется указать, что даже в таких значениях, как *ботаник* - “неумеха” проявляется семантическая связь между основным значением и новым. Ср. хотя бы наличие у них одного и того же гиперонима “человек”. Сказанное еще раз свидетельствует о том, что основное значение слова предопределяет объем его семантики и, стало быть, границы его семантического развития. Однако ср.: *На столе стояла голубая табакерка - туловище лебедя с длинной, чем обычно, у лебедей шеей. Иван Сергеевич всегда держал ее перед собой и с большой осторожностью стряхивал в нее пепел своей гавайской сигары. Новая горничная сразу же обратила внимание на эту невидимую связь между хозяином и пепельницей и всегда старалась держать ее в чистоте. Вот и на это раз она отнесла лебедя в ванную и бережно отмыла его от содержимого. Оставалось повесить полотенце и вернуться в зал. Однако полотенце задело за длинную шею невинной статуэтки. Слабо держащая ее горничная не обратила на это внимания, и лебедь совершенно бесшумно вырвался из рук, с большим шумом ударился об пол... Горничную попросили вон тотчас же. С.Боков.*

В этом примере *лебедь* = “табакерка”, что свидетельствует о том, что имя существительное может выступать в любом значении, однако в специально оформленном для этого контексте, что и позволяет лингвистам говорить об *окказиональном* употреблении. Следует обратить внимание на то, что такой контекст состоит из единиц больше предложения. Семантическое преобразование существует только в данном контексте и не принадлежит слову как таковому. Можно даже сказать, что оно принадлежит контексту (случаю, “оказии”), а не слову, поскольку в данном примере слово *лебедь* может быть замечено бесконечным количеством семантически совершенно не связанных друг с другом образований (см. ниже).

Нет семантических сдвигов или переноса значений по внутренней семантизации у таких универбатов, как *беспредел* (беспредельный разгул), *брошенка* – (брошенная женщина), *разведенка* (разведенная женщина), *генералка* (генеральная доверенность), *заказник* (заказной вечер), *миграционка* (миграционная карта), *минималка* (минимальная зарплата), *хрущевка* (хрущевское здание – периода правления Н.С.Хрущева), *брежневка* (брежневское здание – периода правления Л.И.Брежнева), которые по этой причине не рассматриваем.

Слова со сленговыми значениями активно участвуют в словообразовательных процессах: *крышевание*, *крышующий*, *крышовка*. Ср.: *Крышующий* патриарх [АиФ 50, 12.04.96].

Слово *choğ* в армянском означает “сухой”. В литературном языке оно давно приобрело и значение “грубый, жесткий”. На современном этапе от этого прилагательного образуется наречие *choğov*, т.е. “только путем дачи достаточной взятки, без пустых разговоров”, стилистическая маркированность которого устанавливается суффиксом –*ov*, который характерен для литературной нормы. Развитие значения обусловлено конкретизацией переносного “жесткий”, что можно трактовать и как внутреннее развитие, и как диффузное (внешне-внутреннее).

Армянское прилагательное *lav* “хороший” имеет множество переносных значений как слово с большим функциональным полем. В постсоветские годы от него образовалось наречие *lavov* с тем же суффиксом –*ov*, который и в данном случае выполняет также стилистическую роль, классифицируя новообразование как просторечное, хотя, как указывалось, суффикс принадлежит к словообразовательным средствам литературного языка. Новое слово имеет значение “удачно, без больших потерь”: оно приобрело новую сему – “лучшим образом”. В армянском языке значение “иметь крышу” выражается словосочетанием “иметь спину”, которое не чуждо и русской речи. Однако в разговорной речи проявляется влияние русского: вместо *спины* употребляется *крыша*, что можно назвать “заимствованием значения” – особой формой семантического развития слова.

Таким образом, как и в литературном языке, в сленговой лексике – наряду с внешней семантизацией – происходит внутренняя семантизация, которая сопровождается включением, исключением или заменой компонентов и сем толкования. Причем актуализироваться могут любые семы. Кстати, такое наблюдается не только в русском и армянском. Следующее рассуждение Дж.Лакоффа относительно принципов выбора *over* (правда, совсем по другому поводу) – свидетельство наличия такой семантизации и в английском языке: “The bird flew over the yard. – Птица пролетала над двором. The telephone line stretched over the yard. – Телефонный провод тянулся над двором. В первом

предложении предлог *over* “над” используется потому, что речь идет о (длинной, тонкой) траектории. Во втором случае он употребляется потому, что речь идет о длинном, тонком “предмете” – телефонном проводе” [2, с.26].

Поскольку новые слова больше функционируют вместо литературных, приходится констатировать, что их образование связано не столько с появлением новых реалий, сколько с переименованием старых, со стремлением к маркированности, к *модальной* выраженности речи: с целью отразить в слове свое отношение к выражаемому. Из рассмотренных нами лексических единиц лишь около 20% являются новыми обозначениями. Это свидетельствует о повышении стилистической выраженности речи вообще. Вместе с тем проникновение в живую речь просторечной и разговорной стихии размывает границы литературной нормы, сжижает общий стиль виртуальной коммуникации, результатом чего является снижение общей культуры речи и культуры личности.

С другой стороны, речь оказывается реально подчиненной новой социокультурной среде, т.е. внутреннее развитие, как и внешнее, подчинено тем культурным и идеологическим сдвигам, которые произошли в нашей стране после девяностых годов прошлого столетия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М., Наука, 1980.
2. Лакофф Дж. О порождающей семантике. – В кн.: Новое в зарубежной лингвистике, в.10, М., 1981.
3. Мадоян В.В. Значение и мысль в статике и динамике двух языков. М., 2016.
4. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Словарь русского языка. М., 1998.
5. Фрем Н.И. Лексика современного русского языка на материале газет. М., 1999.

SEMANTIC TRANSFORMATIONS OF NOUNS AT THE PRESENT STAGE (on the material of Russian and Armenian languages)

V.V. Madoyan

National University of Architecture and Construction of Armenia

The article deals with a development of noun semantics in Russian and Armenian languages by their internal and external transformations which are directed on strengthening of expressiveness of speech, accompanied by deterioration of borders of literary norms, active introduction of everyday lexicon and word-formation means in the live speech, general decrease of stylistic level of colloquial and literary language.

ԳՆՅԱԿԱՆՆԵՐԻ ԻՍԱՍՏԱՅԻՆ ՓՈՓՈԽՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐՆ ԱՐԴԻ ՓՈԽԼՈՒՄ (հայերեն և ռուսերեն նյութի հիման վրա)

Վ.ՄԱԴՈՅԱՆ

Հայաստանի ճարտարապետության և շինարարության ազգային համալսարան

Հոդվածում քննարկվում է ռուսերենում և հայերենում ներքին և արտաքին փոփոխությունների ազդեցությամբ գոյականի իմաստների զարգացումը, որն ուղղված է խոսքի արտահայտչականության ուժեղացմանը: Այդ գործընթացն ուղեկցվում է գրական նորմերի սահմանների քայքայմամբ, զուգահեռաբար խոսակցական բառերի և բառակազմական միջոցների՝ ԶԼՄ-ների ոլորտ ակտիվ ներխուժմամբ, խոսակցական և գրական լեզվական մշակույթի ընդհանուր անկմամբ: